

## Нганасаны

### Кухня



Основу питания нганасан составляло оленьё мясо. В пищу употребляли все части туши, не исключая утробного плода и содержимого желудка *тайба*.

Летом и осенью женщины заготавливали мясо впрок. Вяленое мясо *тириби* развешивали длинными полосами / лентами на вешалах *чиедр* – нартах, поставленных друг на друга, – затем резали на мелкие кусочки, смешивали с жиром и ещё раз вялили на разостланных шкурах. Зимой замораживали оленью кровь и по мере надобности откалывали куски для приготовления похлёбки *дяма*. Сосудами для хранения жира служили снятая целиком шкура телёнка, пищевод и желудок оленя, плавательный пузырь и кожа кунжи. Мясо, жир, рыбу нганасаны оставляли иногда осенью в тундре в ящиках изо льда.

Употреблялось также мясо гусей, куропаток, песцов, зайцев, снежного барана и птичьи яйца. Рыбу (чира, муксуна, кунжу, нельму) ели в сыром, замороженном и вяленом виде. Вяленую рыбу – юколу (*фака*) – готовили почти таким же способом, как оленьё мясо, хранили в мешках. Зимой ели строганину.

Хлеба нганасаны раньше почти не употребляли. Пресные лепёшки из покупной муки *кирибас* считались лакомством. Среди любимых блюд были также *чирима кириба* – лепёшки из муки с икрой и *чириме, дир* – сало, сваренное с икрой.

Из привозных продуктов нганасаны пользовались чаем и табаком.

## Занятия и промыслы

До недавнего времени нганасаны сохраняли традиции древнего хозяйственно-культурного типа охотников за дикими оленями. Этот тип базировался на сезонном промысле дикого оленя, рыболовстве и охоте на птиц. Его отличали полуоседлый образ жизни, мобильное и стационарное жилище, специфический для нганасан комплекс одежды.

В течение XIX века нганасаны освоили специализированное крупностадное оленеводство и связанную с ним систему жизнеобеспечения. В их культуре получили распространение кочевой образ жизни, самодийский транспорт, одежда и

т.п. В то же время в культуре нганасан сохранились многочисленные пережитки древней доленеводческой традиции, что и определило их этническую специфику.

Со второй половины XIX века стало развиваться домашнее оленеводство.



Существовал особый тип оленя – нганасанский. Это был низкорослый, но выносливый в суровых условиях тундры олень. Эти олени быстро поправлялись от истощения. Нганасанские олени, по сравнению с долганскими, были более дикими.

Олень был всем для нганасан: основным транспортным средством, из шкур оленя шили теплую и красивую одежду, а мясо употребляли в пищу.

Очень жаль, что не удалось сохранить эту породу домашнего оленя. К началу 1980 года домашнее

олeneводство авамских нганасан прекратило свое существование.

Главные традиционные занятия нганасан – охота, оленеводство, рыболовство.

Хозяйственная деятельность нганасан носила сезонный характер. Счёт времени по нганасанскому календарю вёлся по лунным месяцам китеда. В течение солнечного года проходило два года ху – летний и зимний.

Основная охота приходилась на летне-осенний период (с июля по ноябрь). Издревле основным занятием нганасан была охота на диких северных оленей, водоплавающую дичь и пушного зверя. Нганасаны бережно относились к природе. Во время выведения животными потомства охота регламентировалась обычаем (*карсу*), запрещавшим убивать самок зверей и птиц во время беременности и выхаживания детенышей.

Вплоть до XIX века диких оленей добывали поколками на маршрутах кочевания и у переправ. В августе – ноябре охотники подстерегали дикое стадо оленей, окружали и, сужая кольцо облавы, расстреливали из лука. Устраивали также изгороди между двумя параллельно текущими реками и в воротах изгородей настораживали луки-самострелы или ставили петли из скрученных жил.

На переправе давали им войти в воду, заплыв достаточно далеко от берега и кололи копьями между рёбер, чтобы они ещё некоторое время могли проплыть и приблизиться к берегу. Другие охотники находились внизу по течению реки и подбирали убитых животных. Зимой оленя криками загоняли в сети, а также в загороди – сходящиеся ряды кольев.

После облавы или поковки мясо убитых диких оленей складывали на лабазы или прятали в ямах, прикрытых шкурами и камнями, тут же, на месте охоты. Около этих складов древние охотники сразу же строили жилища и затем зимой, когда охота прекращалась, переходили от одного склада к другому, живя в заранее построенных жилищах.

Существовала и индивидуальная охота – с оленем-манщиком, с собакой, с маскировочным щитком (*лофо*), из укрытия, с нарт и т. д.

Гусей добывали во время линьки: на лодках окружали птиц и гнали их к берегу, где были установлены сети (*дептубугур*). На уток и куропаток тоже расставляли сети. На песцов настораживали каменные пасти (*фала денгуй*), зайцев ловили петлями.

Основным оружием были копьё (*фонка*), лук (*динта*) со стрелами (*буди*), нож (*кюма*), а с XIX века широкое распространение получило огнестрельное оружие. Рыбу ловили сетями (*колы быгур*), железными крючками (*бату*), костяными спицами (*федир*).

Оленеводство носило транспортный характер, и было подчинено основному занятию – охоте на дикого оленя. Приучать животных к езде начинали на третьем году жизни. Для перекочёвок за стадом дикарей каждой семье требовалось не менее 40-50 голов домашних оленей.

Забой домашних оленей допускался лишь в исключительных случаях – при голоде, травмах или болезнях животного.

Для обработки оленьих шкур употребляются четыре вида скребков (три железных и один костяной неолитического типа).

Скребок первого типа (*mara*) – длинное железное лезвие, вставленное в вырез прямой деревянной рукоятки. Второй тип (*baka*) представляет собой узкий клинок, концы которого загнуты в противоположные стороны. Скребок этот вставляется в середину горизонтальной рукоятки и в отличие от всех других имеет два лезвия. Когда одно лезвие затупится, рукоятку поворачивают и начинают работать другим лезвием. Такой скребок встречается иногда у якутов и долган, у которых он носит название "самоедского". Третий тип скребка (*muorutsa*) – полукруглая железная пластина, насаженная на вертикальную рукоятку. Четвертый (*bieda*) состоит из ножной кости оленя, срезанной с одной стороны. Кроме описанных скребков, необходимой принадлежностью при обработке шкур является длинная, узкая, несколько вогнутая доска.



Оленья шкура обрабатывается у нганасанов следующим образом. Сначала она расстилается на земле и сушится на солнце; зимой шкуру высушивают в чуме, подложив ее между шестами. Шкуры телят подвешиваются весной на палках у нарт. "Оленьи лбы" (*tuoja*) и камусы сушат, прикрепляя их к плоским предметам – донцам корытцев, к столешнице и т.п.

Когда шкуры (*kufu*) обрабатываются с шерстью, пленку мездры снимают с сухой шкуры скребком первого типа. При этом женщина садится, вытянув ноги, и кладет доску со шкурой таким образом, чтобы нижний конец ее упирался в ступни, а верхний – в живот; затем, водя скребком от себя, она начинает соскабливать от себя пленку мездры.

Вслед за этим шкуру со стороны мездры смазывают при помощи клубка шерсти жидкой кашицей из разжеванной вареной печени оленя. Наконец, шкуру сворачивают и кладут, примерно, на полдня, после чего скребком третьего типа соскабливают с нее печень следующим образом: женщина спускается на колени, придавливает ногой один конец шкуры и, натягивая левой рукой ее противоположный конец, соскабливает с нее засохшую печень правой рукой.



После этого шкура подвешивается внутри чума, где она подвергается воздействию дыма, а затем разминается руками.

## Поселения и жилища

Стойбища нганасан располагались на невысоких холмах, внизу между холмами паслись олени. Осенью жилища устраивали недалеко от рек, чтобы в темноте можно было вернуться с промысла вдоль русла.

Стойбища нганасан организованы, как и у других тундровых оленеводов. Стойбища состояли из 3-х – 4-х жилищ. В прошлом основным жилищем нганасан был чум, впоследствии получили распространение региональные типы жилищ – *голомо* и *балок*.

В старину в качестве жилища использовали не чум или балок, а полуземлянку типа *голомо* (в современном нганасанском языке такое жилище называется "сатума" – "глиняный чум").

*Голомо* строились по всей земле предков нганасан на расстоянии дня хода пешего человека.

Это старинный тип жилища конической формы из бревен или плах, засыпанных дёрном. Каркас этой пирамидальной постройки составляли 4 наклонных шеста. Пол в *голомо* был несколько ниже уровня почвы, так что это жилище было полуземлянкой. О *голомо* известно только из фольклора. После того как предки нганасан переняли от тундровых энцев самодийскую оленеводческую культуру, *голомо* перестали строить и перешли жить в чумы.

Нганасанский чум относится к самодийскому типу, но отличается от ненецкого устройством основы. Основу чума составляли два шеста, в вершине одного из которых есть несколько отверстий. Туда вставлялась вершина второго шеста, что позволяло регулировать диаметр основания (до 9 метров) и высоту чума.

Чум покрывался покрышками из оленьих шкур. Зимние покрышки двойные, летние – одинарные.

В центре чума на металлическом листе располагался очаг-костёр, над которым на специальном надочажном устройстве, сходном с устройством ненецкого чума, подвешивали котлы и чайники.

Один из основных шестов чума – *симка* – считался священным. Пол дощатый. Спальные места располагались справа и слева от очага. Они представлены оленьими шкурами, которые помещались на циновках. Чум перевозился на оленьих нартах.

С 1930-х годов на Таймыре в качестве жилища вошёл в употребление балок – прямоугольный возок на полозьях с остовом. Балок – это небольшой каркасный домик (4х7х2), крытый оленьими шкурами на нартах. Пол изготавливался из досок, в стенах – небольшие окна.

Отапливался балок железной печкой.

Весной зимние вещи, нюки, укладывали на нарты, покрывали продымлённой, не пропускающей влагу оленьей шкурой и оставляли в тундре до следующей зимы.

Традиционное жилище – конический чум *ма* – по конструкции близок к ненецкому. Размер его зависел от количества живущих в нём людей (обычно от одной до пяти семей) и колебался в среднем от 3 до 9 метров в поперечнике. Остов чума состоял из 20-60 длинных жердей, которые расставляли в виде конуса и покрывали нюками. Для летнего чума использовали старые, износившиеся нюки, которые укладывали в один слой, зимой употребляли двойные.

Дверь делали из двух сшитых мездра к мездру (изнанка шкуры) оленьих шкур. Открывалась дверь в зависимости от направления ветра – справа или слева. Зимой снаружи чума насыпали завалинку токеду, служившую заслоном от ветра. В центре чума, напротив входа, располагался очаг (тори), над которым подвешивали крюки для чайников и котлов. В верхней части чума оставляли отверстие – дымоход. За очагом – "чистое место" *сиенг*, куда запрещалось ступить женщинам. Места для женщин бату располагались у входа, здесь же укладывали домашнюю утварь. Правая от входа сторона была жилой, в левой – помещали гостей и хранили хозяйственные предметы. Пол застилали циновками из тальника тола и досками лата.

На спальных местах поверх досок и циновок укладывали сначала невыделанные шкуры, а затем выскобленные подстилки хонсу. На ночь над спальными местами опускали полог так, чтобы его можно было подоткнуть под подстилку. После ночи полог снимали, тщательно выбивали, свёртывали и укладывали под нюк.

## Песни и танцы



Музыка сохранилась в наиболее древних формах фольклорного музицирования и генетически родственна музыке ненцев, энцев и селькупов. Её жанровая система представлена песенными, эпическими, шаманскими, танцевальными и инструментальными традициями.

Песенная традиция основана на принципе персонального сочинительства напевов, нередко импровизации. Практически у каждого певца имеется несколько личных мелодий-песен балов. Детские песни *н`уона балы* создаются родителями для детей, которые по мере взросления разучивают их и поют как собственные именные песни. Колыбельные песни *нюо ляндырсипса балы* являются семейной традицией и передаются по женской линии, как и песни-баюкания.

У взрослых популярны лирические иносказательные песни *кэйнэйрся ~ кайнаруе*. Традицию поэтико-певческого состязания-диалога представляют сказания *ситаби*, которые поются на персональные мелодии главных героев и являются своего рода исторической энциклопедией *нганасанских* напевов. Круговые танцы сопровождаются горлохрипением на вдохе и на выдохе *нарка кунты*. В целом звукоподражания голосам зверей и птиц занимают важное место и включены в музыкальную ткань эпических и лирических напевов, шаманского обряда.

Мелодии шаманских песен *нада балы*, по представлениям *нганасан*, принадлежат различным духам *д`амада* и чередуются в процессе многочасового камлания: шаман запекает, а один или несколько помощников ему подпевают. У каждого шамана имеются ритуальные песни, соответствующие различным этапам обряда: *набатачио балы* – созывание духов, *хоситапса балы* – гадание, *нантами балы* – обращение-просьба к духам.

Шаманские обряды звучат под аккомпанемент *бубна хендир* или посоха с колокольчиком *чире*. Иногда пение шамана сопровождают удары палочкой с позвонками *хета`а*, которую обычно используют для ударов по бубну, но иногда и в качестве самостоятельной погремушки. Большинство подвесок-погремушек на costume и других атрибутах шамана изображают духов *койка* и имеют соответствующую форму: *н`уоны* – гагары, *кокэры* – журавля, *денкуйка* – лебедя, *чедо* – луны.

Истинным хранителем *нганасанского* искусства являлась фольклорная группа, основателем которой был *Дюлсымяку Костеркин* – последний *нганасанский* шаман, сын *Демниме* и внук знаменитого *нганасанского* шамана *Дюходе*. В начале 90-х годов в поселках *Волочанка* и *Усть-Авам* действовали фольклорные группы "*Хенсу*" и "*Нгамтусуо*". А в данное время в *Дудинке* культуру *нганасан*

представляют этно-фольклорная группа "Дентэдиэ" и молодёжный этно-фольклорный клуб "Хендир".

## Праздники и обряды



Этнографические исследования А.А. Попова, Б.О. Долгих, Ю.Б. Симченко и Г.Н. Грачевой показали, что у нганасан в первой половине XX века сохранились архаические черты мировоззрения древнего населения Таймыра.

Традиционное миропонимание нганасан пронизывала идея последовательного рождения определённой матерью того или иного класса предметов, существ или явлений. Основные рождающие начала можно свести к трём: Мать Земли, Мать Солнца и Мать Луны.

Мать Земли осмыслялась как прародительница всего, что есть на земле. Она рождает самостоятельно, без участия мужского начала. Мать Земли располагает эмбрионами, которые вкладывают в тела женщин или самок зверей и животных. Они свою очередь рожают тело, жизнь которому даёт Мать Солнца. Матери Земли обязательно должны быть отданы глаза убитых животных, а во время весеннего праздника "Аника дялы" удушали домашнего оленя и на землю выкладывали часть своих металлических украшений (нельзя было дарить Матери Земли дикого оленя, поскольку он сам является её детищем).

Мать Солнца считалось существом, от которого зависит жизнь, рост людей, животных и растений. Она, в отличие от Матери Земли, не забирает людей к себе, а старается защитить их от холода и болезней. В качестве благодарности авамские нганасаны жертвовали Матери Солнца шкуру, голову и внутренности оленя. Они все это вешали на дерево, заклиная: "Мать-Солнце, вот твоя доля!".

Мать Луны даёт жизнь ночью, она держит семь или девять нитей – лучей, идущих к семи или девяти народам и ведаёт тенями – образами человека, животного, растения, в которые заключена жизнь. Она ведаёт и сроками приближающихся родов. При неудачных или затянувшихся родах нганасанской женщины её муж мог обращаться с соответствующей просьбой к Матери Луны. Возле родильного чума муж роженицы убивал важенку и обращался к Матери Луны с такими словами: "Мать Луны, не сердись на мою жену! Дай удачные роды! Пусть родится сын". По окончании родов, независимо от того, кто родился – мальчик или девочка, убитого оленя оставляли на прежнем месте, тушу не разделявали и мясо не ели. Но в случае, если рождался сын, полнолунию жертвовали живого оленя, делая на нём соответствующую тамгу. Такой олень ранее в нарту не запрягался.

От Матери Земли произошли четыре главных рождающих начала: Мать Огня, Мать Воды, Мать Деревьев, дочь Матери Земли и Мать Льда.

Считалось, что Мать Льда забирает к себе умерших людей. Мать Огня всегда живёт в очаге. Мать Деревьев дружит с Матерью Огня, она пища для огня, и в этом её главное предназначение. У нганасан все деревянные койка так или иначе были связаны с Матерью Деревьев и через неё – с Матерью Земли. Подобные приношения делались и Матери Воды, так как она рождает и хранит рыбу. Матери Воды одни жертвовали оленя, ставя на него личную тамгу и этим как бы сообщая, от кого именно такая жертва. Другие – жертвовали собаку. Удушив ее, нганасаны оставляли её на берегу мордой к воде. При этом произносили заклинание: "Мать Воды, вот твоя доля! Пусть наши сети всегда будут полны рыбы, и пусть мы не будем тонуть в воде".

Мать Огня, как уже сказано, всегда живет в очаге, она – хозяйин чума, охранитель семьи. Огонь могла разводить только женщина (считалось, что огонь мужчине не принадлежит). Огонь может также очистить опоганенных людей и нечистые предметы (например, аркан, через которой переступила нганасанка).

Всё пространство населяют бесчисленные, вечно существующие божества-нгуо во главе с верховным божеством Бэнту=о Нгуо. Большинство из них невидимо обычному человеку в обычной обстановке, но воспринимается органами чувств. У каждого человека, животного, зверя, растения, камня есть свой нгуо. Нганасаны старались без серьезной причины не говорить о нгуо, не тревожить их. К нгуо обращались через идолов-койка (любой видимый и осязаемый человеком предмет, наделяемый способностью к самостоятельным действиям), поскольку считалось, что каждый идол – ребенок своего нгуо.

Есть существа, которые обладают качествами нгуо, живут в их мире, но ими не являются. К таким существам относится: коча – духи болезней, баруси – однорукие и одноглазые чудовища, привидения, тени-сызанка, людоеды-сиги=э и т.д.

В первой половине XX века у нганасан существовали два основных праздника: Праздник чистого чума (Мазуся) и Большой день (Аника дялы).

Важное место занимал праздник чистого чума "Мадуся", проводившийся после окончания Полярной ночи, примерно с 20-х чисел января или в первые дни февраля.

Праздник делится на три самостоятельные части согласно традиции, подразумевающей, что "Чистый чум" должен длиться 3,5,7,9 дней (в зависимости от могущества шамана). Почти у каждой кочевой группы был свой шаман, который общался с миром духов и просил обеспечить людям здоровье, счастье и благополучие.

Иногда вместо праздника "чистого чума" устраивался праздник прохождения через "каменные ворота" фала-футу. В течение трёх дней шаман проводил камлания, и в завершение все присутствующие трижды проходили через специально устроенный каменный коридор.

Второй национальный праздник нганасан назывался Аника дялы (Аны=о Дялы, Нилулемы Нгуо Дялы), он описан Ю.Б. Симченко в научной литературе в начале 60-х годов XX века.

Этот праздник нганасаны приурочивали к тому времени, когда начинал таять снег, и становились видными проталины (июнь), то есть к такому времени, когда нганасаны могли обращаться к Солнцу-Матери, Матери-Земли и Матери-Воды. В



этом празднике роль шамана сводилось к минимуму: он мог камлать, только после принесения жертв матерям природы и окончания молодежных обрядовых игр.

## Ненцы

### Кухня



Пищевые традиции ненцев уходят корнями в глубокую древность. Много упоминаний о традиционной пище можно найти в фольклоре. Начиная с XI века в летописях, а позднее в работах путешественников и исследователей упоминается о различных блюдах, способах их приготовления. Они же подразделили пищу на мясную, рыбную, мучную и растительную.

Наиболее древний и распространённый вид мяса – оленина. Это мясо употребляли в нескольких видах.

Свежее и свежемороженое мясо едят короткий период после убоя. В это время съедали наиболее лакомые куски: печень, почки, мозг, рёбра, шейные позвонки. Эти лакомства подавали гостю как лучшее угощение. Мясо обязательно обмакивали в парную кровь.

Другие излюбленные виды мяса – копчёное или сушёное. Мягкое мясо, предварительно прорезав толстые куски, коптили, повесив на поперечные перекладыны чума, или вялили на солнце.

Позвоночник, язык, грудинка шли на варку супа. Сердце варили, но считалось, что резать его можно было только вдоль, иначе будет болеть у того, кто резал.

Также в числе любимых блюд кровяные лепёшки, костный жир и жир с кишок оленей (олений жир употребляли в топлёном виде, макая в него лепёшки или мясо). Практикуется также как способ длительного хранения солёное мясо. Мясо осеннего убоя обычно заготавливают для употребления весной. Его укладывают в бочки, пересыпают солью и закапывают под землю. После выемки такое мясо употребляют в сыром и варёном виде.

Из других видов можно отметить мясо зайца и куропаток. Весной преобладало мясо перелётных птиц: гусей, гаг, уток. Мясо птиц ели только в варёном виде, также варили и яйца. С гусей и гаг топили жир, его использовали зимой или для лечения

Ценные породы рыб употреблялись в пищу в сыром виде. Только что выловленную рыбу едят в сыром виде, иногда чуть присолив или макая куски рыбы в солёную воду. Излюбленным блюдом была только что выловленная рыба (нельма), положенная на 2-3 часа в свежую оленью кровь. Зимой одним из любимых блюд является строганина – мороженая рыба, тонко настриганная острым ножом. Строганину в основном готовят из чира, нельмы.

Распространено приготовление юколы (пахы), сушёной без костей рыбы из сиговых рыб. Из юколы затем готовят рыбные бульоны, муку, её можно жарить в рыбьем жире. Заготовка рыбы происходит в течение почти всего летнего сезона.

Рыбу употребляют также в варёном виде. С появлением современной посуды, изменилась и способ приготовления варёной рыбы. Лакомством считались варёные рыбы головы. Варёную рыбу после варки отделяют от бульона, чтобы она не пропиталась им, и едят отдельно. Если раньше использовался котёл с широким устьем, то в настоящее время обычно используются эмалированную посуду. Пряностей ненцы при приготовлении пищи практически не употребляют.

Ценится в питании и в лечебных целях жир тюленя и морского зайца. Традиционно используется гусиный и гагачий жир, в него макают мясо, хлеб, лепёшки.

Ненцы издавна используют мучные продукты. Раньше пекли "тирибя леска" – икрные лепёшки.

Излюбленный напиток – чай. Его, как и металлическую утварь, выменивали у русских торговцев.

Деревянную посуду – миски, чашки, ложки – изготавливали сами.

## Поселения и жилища



По преданиям многих северных народов, чум и человек появились почти одновременно. И это недалеко от истины. Археологи утверждают: лёгкие конические шалаши были знакомы еще древнейшим охотникам Сибири. Такое жилище, рассчитанное на несколько человек, можно легко построить практически в любом месте из перекрещённых жердей, покрытых ветками, корой или специально припасёнными шкурами.

Традиционным жилищем ненцев является чум. На языке ненцев чум называется – "мя". Он имеет коническую форму, которая хорошо приспособлена к открытым пространствам тундры: она придает устойчивость при метелях и сильных ветрах. Крутая поверхность чума является наиболее приемлемой, так как с поверхности чума снег скатывается легко, не задерживаясь.



Главный элемент чума – шест. Его готовят долго и тщательно, поэтому он служит тундровикам не одно десятилетие. Чум состоит из 40-45 (иногда из 50) шестов в зависимости от размеров чума. Два шеста, являются основными (*макода' ну*) они на некотором расстоянии от верхнего конца, имеют по одному сквозному отверстию, сквозь которое продевается веревка, и завязывается, образуя кольцо, соединяющее оба шеста вместе. При установке основные шесты

перекрещивают несколько ниже верёвочного кольца, в которое затем продевают другие шесты чума.

Для покрытия чума ненцы используют покрышки (*нюки*), которые сшиваются из крупных шкур взрослого оленя нитками из сухожилий оленя. В зимний период необходимо четыре покрышки: две нижние (*мюйко*) покрывают остов чума мехом внутрь и две верхние (*ея*) покрывают мехом наружу. Для пошива используют около 60 шкур. Служат покрышки обычно много лет, заменяют их по мере необходимости.

Место для стоянки и установки чума выбирают мужчины. Прежде всего, выбирается место с учетом времени года. Зимой, чум ставят, по возможности, в укрытых от ветра в местах, а летом – в открытых.

Устанавливают чум женщины по строго установленному порядку. Определялся центр жилища, где сооружали очаг. Вокруг него укладывали доски пола. Потом на место постелей расстилают циновки из трав и прутьев. Затем устанавливаются шесты. Перпендикулярно центральному внутреннему шесту (*симзы*) располагались две горизонтальные жерди, на которых укладывали железный стержень с крючком для котла. Затем натягивали покрышки – *нюки*. Таким образом, чум ставится за 30-40 минут.

Для того, чтобы надеть покрышки на чум, используют специальный шест (*есенабць*). К основанию чума подгребают снег, а летом – землю, чтобы в чум снизу не проникал ветер. Края покрышек должны заходить один за другой. Край одной из внешних покрышек образует вход в чум. Женщины и дети входят в чум, взявшись одной рукой за края обоих покрытий и повернувшись через левое или правое плечо. Мужчины открывают вход взмахом покрытия через спину.

В летний период ненцы на покрытие чума использовали состарившиеся зимние *нюки* или берестяные покрышки. Современные ненцы летом используют покрышки, сшитые из брезента или из других прочных фабричных тканей.

В чуме большое значение имел очаг, и доброе пожелание звучало так: "Пусть не гаснет огонь в вашем чуме". Это пожелание было символическим, оно означало "пусть не закончится ваш род". Сейчас вместо очага используют переносные железные печки-"буржуйки", а для освещения используют керосиновые светильники.

Кроме очага, ещё очень значимыми элементами являются дверной вход и симзы (центральный внутренний шест). Вход разделял две сферы: жилое и нежилое, дикое и домашнее. С этим был связан ряд поверий. Так, детям нельзя сидеть или стоять при входе: говорили, духи тебя застрелят. Умершего никогда не выносили через вход, чтобы его вынести поднимали покрытия, а в свадебном обряде вход служил преградой для жениха и его родственников: они должны были просунуть лоскут сукна через вход в чум невесты. Все эти поверья объяснялись тем, что против входа находилось место, где обитали духи.

Симзы – часть приспособления для подвешивания котла над котлом. Место между симзы и очагом огораживало священное место в чуме. Пространство между симзы и очагом не разрешалось переступать женщина. Во время камлания около симзы сидел шаман, вокруг шеста обносился его бубен.

Место противоположное от входа в чум называется "синя". Там находится мужская половина, где хранятся мужская обувь, инструменты, боеприпасы. В центре чума место для очага (*ту мя*). Справа и слева от него располагается постель (*ва"ав*), это одеяла (*то'*) и подушки, уложенные на шкуры вдоль стены чума. В комплект каждого чума входит полог (*есер"*), сшитый из легкой ткани, он служит на время сна.

Женская половина (*сея*) расположена ближе к выходу из чума. Там женщины хранят свои принадлежности: инструменты для выделки шкур, обувь и одежду. Женщины могут находиться с любой стороны от огня, но по традиции не должны перешагивать через мужскую одежду, оружие, орудия промысла. По представлению ненцев это может принести зло мужчине и его вещам.

## Занятия и промыслы



Основой традиционного хозяйства ненцев (этнообразующей отраслью) является оленеводство. В виде крупнотабунного оно сформировалось к XVIII в. К этому времени сложились маршруты кочевий (касланий) ненцев с оленьими стадами от границы лесов до побережья Карского моря. Протяженность маршрутов кочевий составляет до 2000 км.

Транспортным средством оленеводам служит двухполозая косокопыльная нарта ненецкого типа, которая получила распространение у других народов Севера. У ненцев существуют и другие виды хозяйственной деятельности: охота на пушного зверя, рыбалка, собирательство.

Выделка шкур оленей и пушных зверей, пошив одежды, сумок, покрышек чума – занятие женщин. Одежду и утварь богато украшали меховой мозаикой (из камусов белого и тёмного цвета), плели украшения из бисера, вышивали подшейным волосом оленя, резали по дереву.



## Праздники и обряды

Ненцы ежегодно отмечают праздник оленевода. Торжество сопровождается состязаниями в ловкости, в езде на нартах, вкушением ритуальной еды.

Религиозная система ненцев состояла из пантеона различных духов. Одним из наиболее важных был дух неба *Нум*. Ежегодно весной и осенью ему приносили в жертву белого оленя.

Жертвоприношение проводилось на открытом и возвышенном месте. Оленя душили и в последний момент перед издыханием закалывали ножом в сердце. Мясо жертвенного оленя съедали сырым, а голову надевали на шест мордой на восток, и все несколько раз кланялись в этом же направлении.

Посвящали Нуму и живых оленей. Это был тоже олень белой масти, никогда прежде не ходивший в упряжке. На его боку вырезали тамгу Нума - три полуокружности, с отходящими из центра вниз тремя полосками. После этого посвященного оленя нигде не использовали и даже избегали прикасаться к нему, хотя он и оставался в стаде.

По поверьям, от Нума зависели погода и природные явления – снег, дождь, молния.

Более прочно сохранились культы духов-хозяев: *я ерв* – хозяин земли, *ид ерв* – хозяин воды, *яха'ерв* – хозяин реки, *то'ерв* – хозяин озера, *пэдара'ерв* – хозяин леса и др. От них зависела удача в охоте, рыбалке, оленеводстве. Их расположения ненцы тоже добывались жертвоприношениями.

Как воспоминание о далеком прошлом на Ямале сохранились предания о человеческих жертвоприношениях хозяину воды. Перед началом рыбной ловли старший в группе обращался к духу с просьбой дать хороший промысел и обещал в уплату человеческую жизнь. Если во время лова в воду падал кто-либо, его не спасали, считая жертвой духу. Перед пересечением Оби, во время перекочёвок, хозяину реки приносили в жертву оленя, а его рога вешали на лиственницу,

считавшуюся священным деревом. Во время промысла в море, если поднимались волны, в воду бросали ружьё, стараясь умиловить хозяина моря.

Большим почтением пользовались духи *Я'ерв* - хозяин земли и *Я'ерв не* - хозяйка земли. Это добрые духи, они давали ягель, травы, кустарники. Под землей, считалось, жил дух *На*: дух болезней и смерти. Чтобы избежать несчастий, для *На* приносили в жертву собаку или оленя. Жертвенное животное душили, поставив головой на запад. Обряд совершался на закате солнца. Во время болезни человека для *На* делали жертвоприношения, чтобы он «отпустил» больного. Голову забитого оленя надевали на шест и поворачивали мордой на запад. Под землёй обитали мелкие злые духи *нгылеко* - источники болезней человека. Их отпугивали звоном колокольчиков и металлических подвесок на одежде.

В качестве священного или "светлого" дерева ненцы почитали лиственницу. Дерево увешивали подношениями - лоскутами ткани, шкурами зверей, рогами жертвенных оленей. До недавнего времени священная лиственница была около посёлка Сюней-сале на юго-востоке Ямала. В более северных районах округа, где она не растёт, используют сухую лиственницу, привезённую с южных кочевий. Её устанавливают на священных местах, а рядом располагают деревянных идолов - сядэй, кладут рога жертвенных оленей.

Кроме сядэев существовала категория домашних (семейных) духов-покровителей *хэхэ*. Это были деревянные фигурки или небольшие камни, которые хранились в специальном сундучке, перевозимом во время кочевий на отдельной священной нарте. Во время стоянок сундучок хранился в чуме, на почётном месте - у стены, противоположной входу. За помощь во всех земных делах домашним покровителям шили в подарок новую одежду, кормили оленьей кровью.

Домашние духи передавались в наследство по мужской линии, за исключением *мядпухуця* "старухи чума" - покровительницы женщин, деторождения и материнства, которая ассоциировалась с матерью-землей. Изображение "старухи чума" состояло из комплекта миниатюрной одежды. Во время родов женщина держала "старуху чума" в руках, чтобы роды прошли легко.

Для ненцев характерно изготовление посмертного изображения *нытарма* умершего главы семьи, в котором обитала после смерти его душа. Изображение держали в чуме, кормили, одевали, заботились, как о человеке. *Нытарма* делали через 7-10 лет после смерти главы семьи и хранили в течение нескольких поколений. Его изготавливали из куска дерева либо без основы - только комплект меховой одежды. Этот обычай на Ямале существует и сегодня.

## Поселения и жилищ



Жилые постройки тазовских селькупов, как по архитектурным формам, так и по конструкции различны и тесно связаны с климатическими и природными условиями. В зависимости от наличия естественных материалов для постройки жилищ применяли дерево, дёрн, песок, бересту, брезент.

Специфика хозяйства тазовских селькупов привела к возникновению сезонных жилищ, которые в одних случаях существенно отличаются от постоянных, в других – только внешним покровом.

Времянка (*мөт қора*) – временное жилище, построенное на 1-2 кочёвки и представляющее собой получум, крытый меховыми нюками, берестяными полотнищами трапециевидной формы, так называемыми тисками, или брезентом с ветреной стороны. Такие времянки ставились на охоте, рыбалке или при поездках на далёкие расстояния. В частности, такими времянками селькупы пользовались, когда ездили для обмена пушнины на промышленные и продовольственные товары на реки Енисей или Вах.

Для ночёвки в лесу селькупы умело использовали ветки хвойных деревьев, делая из них заслоны с ветреной стороны. Крышей служили густые наклонные ветки хвойных деревьев.

Шалаш (*кумар*) – укрытие, жилище для пребывания в течение нескольких дней. Каркас делали из тонких прутьев тальника, берёзы или черёмухи, которые одним концом втыкали в землю, а верхушки загибали и попарно связывали. Таким образом, остов шалаша состоит из двух рядов прутьев тальника, нижние концы которых воткнуты в землю, а верхние – соединены так, что образовался как бы сводчатый коридор. У концов этого сводчатого коридора втыкают в землю прямые тонкие прутья, также горизонтально переплетённые и образующие остов фронтальных стен. С одной стороны оставляли входное отверстие (дверь). Каркас покрывали берестой, травой, берестяными тисками. Дымового отверстия не делали, так как костёр разводили возле шалаша.

Постоянное жилище (*пой мөт*, дословно – деревянное жилище). Выкапывали в земле квадратное углубление и устанавливали по углам четыре наклонных столба с вырезами на верхних концах. В эти вырезы вкладывали концы поперечных брёвен, соединяющих верхушки наклонных столбов. Таким образом получался остов в виде усечённой пирамиды. Стены делали из наклонно поставленных плах, которые удерживались поперечными брёвнами. Потолок также обкладывали плахами и делали вверху отверстие для трубы, которое также служило для освещения. Для того, чтобы земля между плахами не осыпалась, промежутки конопатили болотным мхом и засыпали землёй (песком).

Перед входом устраивали сени. На расстоянии нескольких метров от передней стенки забивали в землю два столбика с развилками. В эти развилки клали концы двух продольных жердей, другие концы которые лежали на крыше землянки. На них спереди и сзади укладывали две поперечные короткие палки, на которых держались продольные жерди, покрытые сверху берестой или травой. Входное отверстие сеней располагалось против двери землянки.

Зимнее подземное жилище (*чуй мөт*, дословно – земляное жилище) по конструкции близко описанному выше. Выкапывали в земле прямоугольную яму глубиной до 2-х метров; устанавливали в ней каркас из четырёх наклонных столбов с вырезами для закладки поперечных столбов, соединявших верхушки противостоящих наклонных. Стены делали из наклонно поставленных плах, которые удерживались

поперечными столбами, лежащими на вырезах основных столбов остова, и сверху засыпали землёй. Для того чтобы земля не осыпалась, между плахами клали бересту. Потолок также настилали из расколотых плах и делали квадратное отверстие, которое служило одновременно окном и дымоходом. Жилище огораживали жердями.

Чум (*мөт*) – это основное жилище тазовских селькупов, характерное для многих коренных народов Крайнего Севера. Лёгкий, переносной конический чум незаменим в лесной зоне. Благодаря своей обтекаемой форме он не подвергается снежным заносам. По конструкции и типу покрышек селькупский чум близок к ненецкому.

Остов чума селькупы оставляли на месте стоянки. Зимой возили только основные шести чума, а остальные каждый раз вырубали на новом месте. Чум – это просторное жилище, где свободно размещается большая семья. В комплект селькупского чума входят широкие доски (*мөтын ылы*), которые настилали слева и справа от костра и на стороне чума, противоположной входу.

Установкой, разборкой и укладкой частей чума на нарты занималась вся семья, благодаря чему жизненный опыт, необходимые навыки передавались подросткам. Селькупы с детства приучали детей к трудностям.

Прежде чем ставить чум, определяли центр будущего жилища – ровное место, где не должно быть бугорков, неровностей. Зимой на месте чума селькупы расчищали снег до самой земли.

Селькупы строили жилище с учётом основных сторон света. Они делали вход в основном на восток или к водоёму – к реке, к озеру.

По обе стороны от очага, на равном расстоянии от входа и задней стенки чума, устанавливали два основных шеста (*эття*). Их нижние заострённые концы втыкали в землю или снег, а верхние концы опирались друг на друга при помощи оставленных на них сучков или петли.

Основные шести селькупы делали из тонких ошкуренных стволов берёзы длиной до 5-ти метров. Они круглые, высушенные и заострённые у нижнего конца. У шестов есть собственные названия в зависимости от их расположения по окружности чума. Остов чума устанавливали в таком порядке: сначала два основных шеста (*эття*), затем – шест противоположной от входа стенки (сыткый мөтыко), потом – два шеста у входа (*мөтан өй мөтыко*) и все остальные шести чума.

По обе стороны очага и в противоположной входу части чума за досками стлали хвою ели, кедра или сосны и на неё клали постели.

Остов летнего чума внутри опоясывали для крепости обручем (*таңкы*) из тонких стволов тальника (*нярқы*) или черёмухи (*мўкя*). К нему от входа до западной части чума привязывали жерди, куда вешали юколу и шкуры для дымления.

Покрышки летнего чума сшивали из полос бересты (*тё*). Селькупы занимались заготовкой бересты весной, в период активного сокодвижения, так как в это время береста легко отделяется от ствола.

Для снятия бересты выбирали дерево с ровной, без сучков, без трещин, поверхностью ствола. Береста должна быть гибкой, мягкой, с легко отделяющимся верхним слоем. Выбранное дерево валили, отделяли бересту от ствола, делая при



этом ножом продольный надрез, и свёртывали в рулоны, которые затем скрепляли верёвкой в одну вязку. Есть и другой способ снятия бересты со ствола: надрезают ствол стоящего дерева с помощью пальмы (*тяқа*) на максимально возможной высоте.

Снятая береста очищается от внутренних коричневых слоёв, наружных чёрных небольших наростов и белой плёнки. Очищенные и свернутые рулоны бересты ставили вертикально в большой котёл, заполненный водой. Котёл подвешивали над костром на деревянном крючке. Между рулонами в котле прокладывали болотный мох (*нясы*), им же затыкали верхние отверстия рулонов, а также полностью закрывали котёл мхом вместо крышки, чтобы вода быстро не испарялась и береста хорошо вываривалась. Вываривали бересту долго, на медленном огне. Огонь в костре постоянно поддерживали, рулоны переворачивали, доливали воду. После долгого вываривания береста становится мягкой, эластичной, не пересыхает, не свёртывается. Затем влажные полосы бересты сшивали в тиски – по три полосы в одном полотнище. Для прочности вдоль краёв пришивали узкие полоски бересты. Такие покрывки служат несколько лет, ели своевременно производится их ремонт.

Зимой берестяные покрывки, свёрнутые в рулоны, хранятся в лабазах или под навесами для нарт.

Двери сшивали их двух полотнищ и простёгивали. В верхней части двери между тисками продевали поперечную палку для крепления к остову чума.

В летнем чуме тиски накладывали на остов в 3-4 ряда и привязывали верёвками, которые имеются в углах полотнищ, к шестам. Верхние полотнища слегка перекрывали нижние. Снаружи от ветра тиски прижимали к остову несколькими жердями (*чентапо*). На дверное отверстие навешивали берестяную дверь (*тб мэт*), украшенную орнаментом.

Зимними покрывками чума служат нюки, сшитые из зимних шкур оленя жильными нитками. Зимние покрывки бывают двух видов. Нижний нюк, покрывающий остов чума, шили из сукна. Суконные нюки плотно натягивали, чтобы не было прогибов, и привязывали к шестам.

В верхних углах каждой покрывки есть специальные кармашки, за которые шестами поднимали нюки на остов; кроме того, к углам привязывали верёвки, с помощью которых покрывки прикрепляли к шестам остова.

В зимнем чуме сначала натягивали внутренние покрывки из сукна, крепко привязав верёвками к основаниям шестов. Длинные верёвки, привязанные к верхним углам покрывок, обвивали вокруг чума и тоже прикрепляли к основаниям шестов. Затем поднимали и привязывали наружные меховые покрывки.

Нижние суконные нюки предохраняют верхние покрывки из шкур от жары, чтобы они не пересыхали и не коробились.

В летний период зимние покрывки чума сушат, ремонтируют и вывешивают под навес для нарт и вещей (*қаңлый поры*).

Снаружи из чума зимой окапывали снегом, летом засыпали песком. Летом и зимой в чуме покрывали слоём хвои, на который укладывали постельные шкуры и перины. В центре разводили костёр, обкладывая с трёх сторон брёвнышками (*тинты*). Запас дров держали с двух сторон у входа. Сейчас многие ставят железную печку.

Как уже упоминалось, для установки чума выбирали в зависимости от времени года. Зимой чум ставили по возможности в сосновом бору, где есть сухостой для дров и ягельник для оленей; летом – на открытых местах возле речек (*кы*), озёр (*то*) и стариц (*өккы*), продуваемых ветром, где меньше комаров, оводов и мошкар.

Рыбаки ставили берестяной чум у водоёмов, богатых рыбой. В центре заводили костёр (дымокур) и обкладывали его брёвнышками. Летом в чуме стелили траву.

Затем устанавливали приспособление для подвешивания котлов, чайников. В летнее время в селькупском чуме для этого использовались наклонная палка с сучком (*чиппа*).

Летом спальное место затягивали пологом (*қам*) из материи, один конец которого привязывали к шестам чума у изголовья, а другой – к кольшкам, воткнутым в землю. Днём полог сворачивали в рулон и закрепляли над подушками. В части чума у входа с обеих сторон хранятся дрова, а против входа (*сыткий*) – различные предметы труда, охоты, рыболовства. По обеим сторонам от входа (*мөтай өй пеляк*), кроме дров, хранятся одежда, обувь, посуда.

В селькупском чуме обычно жила одна семья. Если в чуме жили две семьи, то одну половину занимала одна семья, а другую – вторая. Место от основного шеста чума к входу – женская половина, от центра к *сыткий* – мужская. Гостям в чуме предоставляли любые незанятые места.

В чуме строго соблюдали все обычаи, традиции: запрещалось ходить вокруг костра в чуме; с какой стороны вошёл – с той стороны и вышел; у входа встречались – обменяйтесь вещами.

Разборка чума. Чум разбирали всей семьёй. Остов чума оставался на месте. Перевозили только покрышки, вещи, посуду.

Место бывшей стоянки чума (*мөтыкопты*) оставляли чистым. Мусор сжигали.

Селькупские чумы редко объединяли в большие стойбища (*эты*). Обычно стойбище состояло из 2-4 чумов. Стойбища рыбаков, располагавшихся летом на длительный период возле угодий, состояли не более чем из 3-6 чумов.

Для хранения зимних вещей и нарт селькупы строили примитивные сараи-навесы. Здесь хранили летом запасы на зиму: юколу, ягоду, муку, зимнюю, одежду, обувь, покрышки чума, а зимой – летние вещи: берестяные тиски, летнюю одежду, обувь, лодки (*долблёнки*), летние снасти рыбной ловли.

Зимняя одежда, обувь, покрышки чума и нарты оставались без присмотра на постоянных местах стоянок. Случаев хищения вещей не было: селькупы не знали, что такое воровать.

Селькупы строили лабазы на высоких столбах (*сваях*), на которых складывали сруб. Двухскатную крышу покрывали берестой и корой ели. В лабазах также хранили одежду, вещи, пищевые запасы, упряжь и др.

Единственная мебель в чуме – низкий столик (*төнтыпо*). Столики высотой 15-20 см селькупы изготавливали сами, обычно из целой доски, но иногда соединяли две доски с помощью деревянных шпилек.

В тёмное время для освещения чума селькупы пользовались костром.

В верхней части в летнем и зимнем чуме оставляли отверстия для прохода дыма и света. Зимой если была печка, то в это отверстие вставляли трубу.

## Занятия и промыслы



К основным традиционным занятиям селькупов можно отнести охоту и рыболовство. С конца XVIII века у северных селькупов развивается оленеводство, заимствованное у ненцев и эвенков.

Охота всегда имела большое значение в хозяйственной деятельности селькупов. Развитие западносибирской торговли привело к переходу селькупского хозяйства на пушной промысел. Нарымское Приобье издавна славилось изобилием ценного пушного зверя: соболя, горностая, белки. Главным орудием пушного промысла селькупов был лук со стрелами. Использовались стрелы с тупым деревянным или костяным наконечником, оглушавшие зверьку, но не портившие его шкурку. Огнестрельное оружие появилось у селькупов только во второй половине XIX века.

Тазовские селькупы охотятся на дикого оленя, медведя, водоплавающую птицу и боровую дичь. Водораздел Надыма, Пура и Таза – место скопления таежного оленя. Добывали его зимой и весной загонем по глубокому снегу и насту группой из 3-5 охотников. Продукция промыслов составляла основу питания, служила сырьем для изготовления зимней меховой одежды. Пушнина играла роль торгового эквивалента и средства уплаты податей. В XIX веке основной меновой единицей была связка из 10-ти беличьих шкурок. Росомаха и красная лисица приравнивались к одной беличьей связке, песец и соболь – к трем.

Во внутреннем обмене товарами служили рыба, олени, луки со стрелами, лодки, металл. В торговле с русскими на пушнину, рыбу, ягоды, орехи приобретались металлические предметы, оружие, ткань, продукты. Среди селькупов выделялись комдэ – "торговцы" и *лэпырсыпыль куп* – "бойкие люди", то есть скупщики, занимавшиеся посреднической торговлей.

Весной со вскрытием рек начинался рыбный промысел. Во время "большого летнего лова" заготавливали рыбу впрок: солили, квасили с ягодами в ямах, готовили юколу, порсу, рыбий жир. Достаточно продуктивным было и осеннее рыболовство. В старину крупную рыбу добывали, отстреливая из лука. На

связанных в пары лодках ночью выезжали на реку, освещая воду светом берестяных факелов. Рыба поднималась на свет, и ловцы били её острогой или стрелой. Продукция рыболовства не имела особого товарного значения: тазовские селькупы добывали рыбу "для своего семейства и для корма собак", ею подкармливали оленей.

Оленеводство у селькупов имело в основном транспортное значение. С развитием оленеводства в традиционном календаре появляются названия месяцев, содержащие оленеводческие характеристики: *отый тэмты ирэт* – "месяц чистки оленями рогов", *корыль ирэт* – "месяц гона оленей". В качестве транспорта наряду с оленями северные селькупы использовали собак.

Важное значение имел сбор кедровых орехов и ягод: морошки, брусники. До XVI века у селькупов было развито керамическое производство, металлообработка и ткачество. Из глины изготавливалась разнообразная посуда, грузила, литейные формы, тигли, пряслица, курительные трубки, детские игрушки, культовая медная скульптура "в рост человека". Из "дикой кудели" селькупские мастерицы ткали тонкие холсты.

Согласно легендам, селькупы выплавляли металл "из камня" и считали себя первыми изобретателями плавки металлов. Селькупские кузнецы славились умением изготавливать оружие, панцири, шлемы, маски, зеркала и украшения. Есть свидетельства о распространении в прошлом у южных селькупов мотыжного земледелия, в частности, они выращивали ячмень и табак.

## Праздники и обряды

Селькупы, считаясь официально крещёными, продолжали сохранять древние религиозные представления и обряды.

Верили в духа -"хозяина" леса (*мачиль лоз*), духа -"хозяин" воды (*уткыль лоз*) и т.п. Чтобы обеспечить успех в промысле, "хозяину" леса и "хозяину" воды приносились жертвы.

В общих представлениях о мире добрым началом являлось божество *Ном (Нум)*, злым началом представлен дух *Кызы*. *Кызы* имел множество духов-помощников, которые, "как ветер", проникали в человеческое тело через кожу, вызывали болезнь, поедая тот или иной орган. Они вселялись в человека в виде червяка или насекомого и двигались по кровеносным сосудам. Поэтому шаман, приступая к лечению больного, задавался целью выгнать непрошенного гостя из тела больного. Духи (*лозы*) шамана "гоняли" в человеке злых *лозов*, стараясь выгнать их на поверхность тела. Со смертью человека злые лозы не гибнут, а "уходят на ветер" и проникают в другого человека.

Причина болезни объясняется и тем, что злой дух якобы похищал у человека одну из его душ. В таких случаях шаман отправлялся на поиски похищенной души. Если ему удавалось найти её и водворить на место, он выздоравливал, в противном случае - умирал.

Одним из своеобразных обрядов в шаманстве селькупов, существовавшим также у кетов, была церемония "оживления" бубна и других предметов шаманского облачения. В селькупских представлениях бубен являлся оленем, на котором шаман путешествовал на небо или в подземный мир. Церемония "оживления" бубна приурочивалась к весеннему прилёту птиц и продолжалась десять дней.

Центральным местом церемонии считалось путешествие на юг, в страну "где светят семь солнц, где камень до неба достаёт". Это представление, видимо, отражает конкретный момент, связанный с историей селькупов: почитание предков, живших в высокогорной стране, на юге (на Саянах).

У селькупов шаманский дар обязательно передавался по наследству. Обычно один из сыновей наследовал этот дар от отца, матери или деда. В шаманстве активную роль играли сексуальные мотивы: молодой шаман вступал в сексуальную связь с мачин лозыт наля - дочерью хозяина леса.

О некогда существовавших тотемистических представлениях говорят фратриальные и родовые названия: "орлиный", "кедровый", "лебяжий", "медвежий" и др.

### **Обрядовые действия в период прилёта птиц – порый апсы**

За последние 70 лет селькупы утратили и забыли многие традиционные обряды, которые сейчас приходится восстанавливать по фрагментам воспоминаний старожиллов.

В селькупской традиции в прошлые века совершались обрядовые действия, приуроченные к весеннему и осеннему прилёту птиц. При восстановлении данного обряда были использованы собранные фольклорные материалы среди пожилых селькупов, а также материалы известных исследователей и этнографов Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих, М.Ф. Косарева, А.В. Головнёва.

Следует отметить, что годичный цикл у селькупов издревле делился на два сезона – зимний (*кэт*) и летний (*тауы*). Предвестником окончания зимнего сезона были небесные перемены в марте (*лимбий ират* – месяц орла). Орёл – птица солнца. Его было запрещено убивать. Считалось, что эта птица, пройдя "семь небес" ступеней, посещает "верховного бога Неба" – "Ном". Орёл первым прилетал на селькупскую землю, символизируя возвращение тёплых духов – юга, летящих по небу на спинах птиц. Вслед за орлом прилетает серая ворона. В апреле (*щепяй ират* – месяц бурундука) просыпается бурундук и его "старший брат" – медведь. В это время заканчивался зимний сезон.

Начало нового летнего сезона приравнивалось ко времени весеннего прилёта птиц. Люди, пережив долгую, суровую зиму, готовились к проведению традиционных ритуалов. Жители всей округи, родственники, соседи съезжались к традиционному месту проведения священных ритуалов своих предков. Прибыв в назначенное место, люди ставили временное стойбище из чумов (*мөт*), временных шалашей (*кумар*) и проживали в них в течение семи дней – срока проведения праздника.

Мужчины оборудовали священный чум (*сыткый мөн*) из семи шестов. Над входом в чум и с противоположной стороны делали отверстия, символизируя вход и выход для птиц, летящих с юга. По обе стороны у входа в чум на длинных жердях устанавливали "флаги". Белый – духам верхнего, небесного мира и чёрный – духам нижнего мира. К священному чуму шаманов привозилась нарта, в которой хранились атрибуты шамана, необходимые для совершения шаманских ритуалов и камланий, к ней запрещалось подходить "смертным". Шаман или несколько шаманов были почётными гостями торжества и не просто гостями, а непременно участниками, руководителями всех приготовлений и исполнителями ритуалов, связанных с параллельными мирами. Шаман считался посредником, связывающим жителей среднего мира с духами верхнего и нижнего миров. Для самих шаманов – это было время обновления их духовного бытия, возрождения и восстановления их растроченной силы, освящения и оживления их культовых атрибутов.

По традиции первую добытую дичь, перелётных птиц – уток, гусей – охотники отдавали в "общий котёл" (*мунтык зумытый чи*) для употребления во время праздника. Для жертвоприношения небесным духам тепла и плодородия в первый день торжества, рано утром женщины готовили дичь в общем медном котле. Часть варёной дичи выкладывали на специальное жертвенное блюдо, выносили на улицу и ставили в южном направлении, откуда летели перелётные птицы. Часть бульона выливали на землю как приношение духам подземного мира в знак согревания земли с помощью пищи, сочетавшей в себе тепло южной стороны неба и огонь ритуального костра. Таким способом люди "задабривали" духов и извещали о том, что люди живы и почитают духов. Во время жертвоприношения люди благодарили духов и просили у них скорого наступления лета, возвращения перелётных птиц, здоровья своим людям и плодородной осени.

После жертвоприношения и всеобщей трапезы люди, одевшись в праздничную, красивую одежду, собирались у священного чума, чтобы быть свидетелями шаманского обряда установки символической "лестницы в небо". Для этого селькупы срубали молодую берёзу 2-2,5 метра.

В селькупской мифологии о представлении карты мира имеется берёза, достающая своей кроной до неба. Это отразилось в религиозных верованиях селькупов, где важную роль играет священная береза, растущая на стрелке двух главных родовых рек рода Кедровки (*Косырый тамтыр кы*) и рода Орла (*Лимпый тамтырый кы*), расположенных у дома Прародительницы Матери Земли (*Илынтый Имай Кота*). Она имеет назначение: "К небу и земле "Ильсон" (жизнь) дающая". Немаловажную роль играл и белый цвет коры берёзы, которой связывался с чистым, светлым и добрым началом. Почитание берёзы объясняется и тем, что она была самым полезным и широко используемым деревом среди селькупов, её также широко использовали в быту. Среди Нарымских селькупов существует миф о происхождении человека из берёзовой развилки. По представлениям селькупов для каждого из миров существуют своё дерево – покровитель. Для верховного, небесного мира таким деревом является – лиственница, для среднего, мира людей – берёза, а для нижнего мира – кедр.

На срубленную берёзу шаманом развешивалось специальное убранство, которое передавалось из поколения в поколение и хранилось вместе с другими шаманскими атрибутами в священной нарте.

Состояло оно из круглой металлической бляхи – ассоциирующей сферическую поверхность с солярным изображением небесного, среднего и нижнего миров, четырьмя радиальными лучами, разделяющими эти миры и являющимися "дорогами" шамана. К выступающим "ушкам" с двух сторон металлической бляхи крепились лоскуты ткани, ленты, сплетённые косицы из тканей и ниток, к которым крепились колокольчики, бубенцы металлические украшения и подвески. Между ними крепились нанизанные на нитки бисер, бусы, разных цветов. Среди них были подвешены зубы и когти зверей. Убранство крепилось к вершине берёзы.

Ниже крепились символы духов, связанные попарно фигурки птиц, людей, животных. Существами небесных духов могли быть и камни, якобы упавшие с неба. Все эти фигурки духов обязательно были завернуты в куски белой ткани, к ним крепились маленькие лодочки – "ветки", вёсла "лапы", люльки "питы", луки "ынты", стрелы "кома", все было украшено бусами и бисером. Все эти предметы могли пригодиться шаману в его ментальных путешествиях. Цветовая символика в селькупском шаманизме имеет большое значение. Ткани и росписи белого цвета – подносятся силам верхнего мира, чёрный цвет – даруют силам нижнего мира. Пёстрые, красный цвета – символика среднего мира, духов живущих на земле среди людей. Поэтому в культовом убранстве, предназначенном для "лестницы в

небо", по которой шаманы поднимались для общения с небесными духами, а через них к самому "верховному божеству", преобладал белый цвет, среди них пёстрый и красный.

Берёза, с прикрепленными на неё атрибутами, крепилась с помощью веревок к заранее подготовленному обрубку дерева и оставлялась в таком убранстве на семь дней торжества.

Вынимая из нарты и закрепляя убранство на берёзе, шаман всё время разговаривал с духами. В своих диалогах-заклинаниях он призывал духов извиняясь перед ними от себя и от имени присутствующих людей. Говорил, что он и его духи знают друг друга, что он их хозяин и повелитель. Просил их о помощи в ином мире, в борьбе со злыми духами. В песнях шамана поётся: "У дерева жертву небу (богу) приношу, и мольба моя по дереву вверх к небу поднимается. По этому дереву слово моё к небу – богу пойдёт". В своих песнях шаман просил у небесного бога хорошей погоды, умеренных дождей, урожая ягод, орехов, много рыбы в реках и т. п.

В эти праздничные дни по древним традициям шаманы соревновались в песнопении. Каждый шаман должен был исполнить свою новую песню. В этот же период происходили гадания, ворожба, предсказания. Вручались вновь изготовленные атрибуты шаманам: парку (*поркы*), бубен (*нуна*), колотушку (*капшит*), посох (*сомпыль тўры*), корону (*сумпыль ўкы, тўтык*), нагрудник (*ўўтынь*), фетиши различных фигурок, куклы-идолы. Перед вручением шаманские атрибуты оживлялись, освещались самым сильным и опытным шаманом по определённым ритуальным обрядам. Одним из главных таких обрядовых действий являлась церемония "*Илаптыко*".

"*Илаптыко*" в переводе с селькупского языка означает "оживить". Этот термин применялся для обозначения ритуала оживления шаманских параферналий, прежде всего – бубна. Церемония оживления бубна являлась частью инициации шамана (*сумпытыль куп*). Молодому шаману все атрибуты и костюм изготавливали сородичи. После первого атрибута - колотушки шаман получал свой первый бубен. Новый бубен "не имел дорог", камлать на нем было нельзя – он бы сломался. Чтобы бубен стал настоящим живым оленем, его нужно было оживить. Оживляли не только первый бубен, но всякий новый бубен, который шаман получал впоследствии. Церемонию обычно проводил приглашенный старый опытный шаман, так как молодой шаман мог "заблудиться" на трудной "шаманской дороге", "растерять духов" и в итоге "заболеть". Только опытные шаманы знали дорогу в страну предков, куда нужно идти для оживления бубна. Платы за проведение этой церемонии шаман не брал. Церемония илаптыко длилась 10 дней.

В первый день шаман отправляется в лес и отыскивает то место, где росли деревья, из которых сделаны обечайка бубна и колотушка. При помощи своих духов он собирает все части этих деревьев и складывает у жилища *Илынта Кота*. Во второй день шаман отыскивает в лесу место рождения оленя, шкура которого взята на изготовление бубна и колотушки. От этого оленя он собирает все до последнего волоска и относит к жилищу *Илынта Кота*. На третий день происходит воскрешение собранных останков оленя (их в ритуале символизирует веточка березы с развилкой, изображающей рога): шаман "собирал" оленя, из шкуры которого был сделан бубен, мысленно он подбирал каждую упавшую с него шерстинку, все упавшие за его жизнь рога; все собранные части он поливал мертвой и живой водой, и олень "оживал".

Изображение оленя кладется рядом с бубном во время оживления. После оживления бубен подвешивается на жертвенное дерево и становится заменителем

живого оленя. Четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой и девятый дни посвящены путешествию аргиша шамана по одной из шаманских рек к месту проживания кузнецов (*чъттырăль кумыт*) у жилища *Илынта Кота*. Шаман собирал всех своих духов-лозов и показывал с их помощью новому бубну-оленью дорогу на "юг, к предкам". На десятый день шаман достигает жертвенного дерева у жилища *Илынта Кота* и получает заготовленные для бубна и парки железные подвески-изображения духов у кузнецов, живущих в том мире. Обычно кузнецы спорили с шаманом по поводу их количества, и могли не дать их, если считали начинающего шамана "слабым", или дать только несколько из запрошенных.

Конечным моментом церемонии было жертвоприношение. Шаман мысленно приносил приготовленные жертвы, привязывая их к этому дереву, а в реальном мире устраивали жертвенный пир с расчетом, чтобы все присутствующие были сыты, и остался излишек. Жертвы для реального заклятия приготавливал также шаман; его помощники убивали оленей, гусей, уток, организовывали пиршество, во время которого угощали идолов (*поркэ*). Сам шаман все эти дни ничего не ел, изредка лишь пил чай. По окончании пира шаман снимает с жертвенного дерева бубен и передает кому-нибудь из присутствующих мужчин. Тот начинает в него бить. Шаман неистово пляшет, затем он ломает жертвенное дерево на семь частей. Окончив жертвоприношение, он со своим "аргишем" возвращался домой, повторяя весь путь в обратную сторону, чтобы новорожденный бубен-олень его крепче запомнил.

В завершение празднества проходили шаманские камлания в тёмном и светлом чумах.

По окончании всех обрядовых действий и камланий праздник подходил к концу. Люди разбирали временные жилища и собирались в дорогу домой. Перед дорогой шаман давал добрые напутствия людям и назначал новый срок празднования.

### **Обрядовые действия в период половодья – *ўт пэр***

Весенний ледоход воспринимался селькупамы как особый момент в их жизни. Обычно с утра все жители селений выходили к реке и преподносили подарки (*коссы*) для реки. Целыми семьями выходили к берегу реки, просили благополучия у духа воды (*ўткыль лосы*), в качестве подарков в воду бросали монеты (не медные), бисерные украшения, еду и т. д.

Впервые садясь в лодку, селькупы мочили макушку головы и приговаривали заговор. Считалось, чтоб в пути по воде люди не пострадали от "большой воды", необходимо было получить благословения водяного духа.

Проезжая мимо священных мест, необходимо было преподнести жертву и провести ритуал, чтобы в дальнейшем путнику и его семье сопутствовала удача и благополучие.

### **Обрядовый комплекс почитания огня**

По представлениям селькупов, их жизнь во многом зависела от соблюдения ими множества обрядов и запретов, касавшихся почти всех сторон деятельности. Многие из этих обрядов и запретов родились в далёкой древности, ещё до появления шаманов, из культов природы, огня и др. Позднее шаманы включили их в свой арсенал. Собственно шаманские обряды и запреты в основном были связаны гадание и предсказанием будущего. Обряды, связанные с рождением и смертью человека, сватовством и свадьбой, почитанием огня, охотничьими запретами, поведением женщины в семье, и многие другие проходили без участия шаманов.



Некоторые обряды, запреты сохранились до 1920-х годов, а другие наблюдались и позже в 1960-е годы. Все они связаны с древними представлениями селькупов о мире, об окружающей их природе и являются действиями, предохраняющими человека от злых сил, обеспечивающими ему благополучную жизнь.

Так, обряд кормление огня предполагал доброго отношения с духом огня. Садясь за очередную трапезу, присутствующие обязательно бросали в огонь очага (костра), кусочек пищи, плескали в огонь чай или вино. Запреты, связанные с культом огня, многочисленны и направлены на то, чтобы не осквернить, не обидеть огонь. Нельзя в огонь бросать сор, нельзя шевелить огонь железными предметами, нельзя обходить огонь против солнца, нельзя смотреть на северное сияние ("небесный огонь"), нельзя вешать над огнём "нечистые" предметы, например женскую обувь, и т.п. Нарушение этих запретов может повлечь за собой несчастье, болезни. Запреты и распространяются и на дрова – "пищу огня". Нельзя бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагнуть и этим их осквернить.

Считалось, что огонь способен сообщать людям волю духов. Если пламя было ровное, спокойное – хороший праздник, дух огня доволен. Если дрова в костре горели неровно, костёр дымил, трещал и стрелял искрами, это значило, что духи чем-то недовольны и хотят наказать хозяев дома (чума). Предание об "огненной бабушке" хорошо иллюстрирует все перечисленные обряды и запреты.

### **Комплекс ритуально-обрядовых действий "В гости к медведю" – *қорқыт чөты қэнпа***

Каждый род имел свой определённый тотем, будь то птица либо животное. Основными главенствующими родами среди селькупов были два рода, Кедровки – *косырыль тамтыр*, Орла – *лимбыль тамтыр*. Человек из определённого рода не имел права убивать и охотиться на тотемное животное своего рода, так как это считалось большим грехом. Но самым важным тотемным животным среди всех селькупских родов являлся медведь. Медвежьему культу подчинялись все селькупские роды без исключения. Таким образом селькупы (в отличие от хантов и манси) на медведя не только не охотились, но не решались добить его даже в тех случаях, когда он сам попадал в естественную ловушку, например в глубокую яму. Убить медведя, по обычаям селькупов, можно было лишь в том случае, если он "сам пошел" (напал) на человека. Селькупы считают, что человек после смерти перевоплощается в медведя. Отсюда и особое к нему отношение.

У селькупов весь процесс охоты на медведя был единым и целостным комплексом церемоний и обрядовых действий. Вот как описывает охоту на медведя Томский учёный и исследователь Р.П. Ураев: "Когда охотник находил берлогу медведя, то поблизости развешивали платок на лесину (скрещенные поперёк прутья или стволы молодых деревьев), чтобы задобрить его дух и только потом охотник нашедший берлогу приглашал на охоту близких и знакомых охотников (друзей, родичей)". По представлениям селькупов считалось, что охотник неспроста нашёл медвежью берлогу, значит того захотел сам медведь, а точнее его души, которая некогда обитала в человеке, а затем вселялась в медведя. Это происходит через семь лет после смерти человека. Медведь или медведица, ставшие обладателями человеческой души, даже внешне соответствовали своим праобразам: у них мог быть похожий шрам или та же "потёртость одежды", хромота или иные особенности походки.

По пути к берлоге селькупы не обращались друг к другу по имени, а заменяли собственные имена названиями тотемных родовых животных.

Подходя к берлоге, люди вели себя очень тихо. Берлогу окружали, вход в неё заваливали лесинами, а сверху проделывали отверстие и сыпали туда снег, чтобы было видно медведя. Затем охотник нашедший берлогу натягивал стрелу и приговаривал шёпотом такие слова: "Прости нас дедушка, это тебя убили птицы. Посмотри на стрелу убившую тебя. На ней орлиное оперение. Это орёл тебя убил". Затем охотник стрелял в медведя. Другие охотники были наготове, чтоб убить медведя, если он всё-таки выберется из берлоги.

После того как медведь был убит, его тушу вытаскивали из берлоги клали животом к земле и вокруг неё присутствующие исполняли ритуальный танец, выкрикивая звуки подражающие карканью ворон: - Ыуь, Ыуь, Ыуь! Затем охотник, нашедший берлогу, отрезал правую переднюю лапу и подбрасывал её перечисляя имена умерших предков. Если лапа падала ладонью кверху, это означало, что охотник убил предка, имя которого прозвучало. Охотники начинали оплакивать умершего, после чего тушу медведя разделявали. Голову и лапы медведя обрезали в суставах и сохраняли в первоизданном виде. Остатки туши разделявали как полагалось.

Придя в стойбище, голову медведя вносили в дом охотника и на семь дней устанавливали в священной части жилища. Если добывали самку медведя, то голову украшали бисерными украшениями, лентами, кусочками материи. Если добывали самца, то для него изготавливали маленький деревянный лук и стрелы, которые клали подле него.

Вареное мясо коллективно съедалось с соблюдением следующих запретов: женщинам под страхом потери молока запрещалось есть верхнюю часть туши; молодёжи также нельзя было прикасаться к верхней половине медведя. Перед трапезой обращались к медведю со словами: "Не мы твоё мясо едим Ыуь, Ыуь, Ыуь!!! А ворон Ыуь, Ыуь, Ыуь...!!!" – никогда нельзя упоминать медведя – дословно, всегда к нему обращаются селькупы "мачий илна" - лесной житель, или "лозы" - дух, "лозын кум" - дух-человек.

На седьмой день, когда душа покидала медвежий череп, его варили в котле. Грех употреблять в пищу медвежью голову приписывается ворону – *кўле* (Тым.), *кэря* (Таз.): "её, эту голову, не люди едят, ворон ест". Когти медведя сжигают, чтобы медведь не знал, что "человек съел его".

Особую роль в обрядах играл череп медведя. Череп берегли и иногда возводили на столб и ставили на берегу реки или на опушке леса. Среди северных селькупов были отмечены случаи хранения черепа в культовых амбарчиках в качестве "приклада".

Шкуру медведя использовали в шаманской деятельности или хранили как дань памяти о том, что в семье охотник имел честь убить медведя.

### **Свадебные обрядовые действия селькупов – *имашца***

Структурно свадебный обряд селькупов, сопровождающий калымный брак, состоял из трёх этапов: досвадебного, непосредственно свадьбы, длившейся до семи дней, и послесвадебного – и включал в себя церемонию сватовства, свадьбу в чуме (доме) родителей невесты, переезд невесты к жениху и свадебного торжества в доме родителей жениха.

Девушки в селькупских семьях выходили замуж обычно в 16-17 лет, хотя фиксируются случаи вступления в брак в 13-14 лет. К этому возрасту они должны были уметь нянчить младших детей, убираться по дому, шить одежду, собирать ягоды, рыбачить.

Решение о сватовстве принимал отец жениха. Родители невесты обращали внимание на состоятельность семьи жениха, его репутацию охотника и рыбака.

Заключение брака традиционно происходило через сватовство – *имашуо*. Сватом – *имасыль кум* – обычно был мужчина, старший родственник жениха, часто дядя – брат отца, иногда – старший брат. Важную роль при сватовстве играли жёны сватов, они должны были в беседах с невестой и её матерью расписывать достоинства жениха.

До свадьбы жених выплачивал калым (или часть его), дарил семье невесты дополнительные подарки, матери невесты обязательно – шаль или платок. После раздачи подарков жених уезжал к своим родителям вместе со сватами.

На свадьбу старались надеть всё чистое, по возможности новое. Невеста надевала украшения: наконечники подвески, бусы, серьги, кольца. Считали, что после свадьбы платье невесты обладает особой силой: в случае болезни женщина заворачивала в него ребёнка. Невесте расплетали косу и делили её на две, это означало, что девушка вышла из "девичества" и стала женщиной, готовой вступить в брак.

В день свадьбы к дому невесты съезжались жених с родителями, родственниками и приглашёнными. Невесту, укрытую шалью так, чтобы не видно было лица, усаживали на новую оленью шкуру в почётном месте – *сытзы*, напротив входа за очагом. Оленья шкура символизировала будущее единение супругов. Жениха на руках вносили в дом двое друзей. В руках жених держал новый белый платок. Этим платком жених обводил символический круг вокруг головы невесты. Считалось, что с этого момента она принадлежит ему, и он может забрать невесту в любой момент.

Жених усаживался рядом с невестой на одну шкуру. Мать невесты накрывала их одной шалью. Затем новобрачным подносила одна на двоих кружка чая. Половину выпивал жених, остальное – невеста. После этого шаль с новобрачных снимали, и они присоединялись к гостям. Родители невесты в присутствии жениха давали наставления дочери, где особо подчёркивалось, что отныне она должна слушаться мужа и свекровь.

Угощением для гостей служили мясные и рыбные блюда, чай, покупные продукты: пряники, конфеты, мёд. Веселье выражалось в песнях, игре на музыкальных инструментах (варгане – *пыугыр*, бандурке – *чиуг*, гармонии – *пыуыр*, балалайке – *кагабылько*), танцах-пантомимах, у северных селькупов на свадьбах бытовали групповые круговые танцы.

Завершалась свадьба в доме невесты гаданием шамана на лопатке (ложке). Сначала шаман гадал о будущей совместной жизни и возможном количестве детей у новобрачных, а затем и всем присутствующим.

После свадьбы, если жених уже уплатил калым, он мог забрать невесту и её приданое в свой дом. Если же калым не был до конца выплачен, то молодой муж около месяца и больше жил у тестя, работая в его хозяйстве.

### **Обрядовые действия в период рождения ребёнка – *ийят чельуца***

Рождение ребёнка являлось важным событием в семье селькупов, особенно если это был первенец. О беременности узнавали по снам и физиологическим приметам. Вычисляя приблизительно день родов, счёт дней вели по луне. Для роженицы ставили специальный чум – *Челымпытый мон*, готовили специальное место для родов, в противном случае женщина рожала в жилом помещении, откуда предварительно удаляли мужчин. По поверьям селькупов нельзя было рожать на

том месте, где до этого рожала другая женщина. Также строго запрещалось матери шить заранее одежду новорождённому.

Во время родов в чуме роженицы присутствовали только женщины, повитуха и её помощницы. Когда ребёнок появлялся на свет, повитуха перерезала пуповину ножом или наконечником стрелы. Ребёнка омывали и передавали матери на кормление. Приняв роды, повитуха становилась новорождённому и его матери "родственницей". По окончании родов женщина должна была лежать 2-3 дня, и затем, начиная уже сидеть и стоять, она ещё 2-3 дня должна была находиться в родильном чуме или в отгороженной для родов части помещения в изоляции. Повитуха или иные близкие родственники готовили ей еду. На пятый день женщина покидала место родов, но ещё в течение месяца считалась "нечистой", соединившейся с иным миром. После истечения указанного срока, женщина проходила обряд очищения. Обряд состоял в троекратном перешагивании через специально разведённый костёр и окуривании.

В первую неделю жизни младенца укладывали в специально изготовленную из бересты колыбель. По представлениям селькупов береста даёт жизненную силу ребёнку, так как является священным деревом среднего мира и помогает ему укрепиться в этом мире. Считается, что от рождения до отпадения пуповины он ещё полностью находится во власти того мира, откуда пришёл, и в любой момент может уйти назад. Если ребёнок прожил первую неделю, значит, он собирается жить в этом мире. Чтобы уберечь его от влияния злых духов, производили магические действия, например, на щеке делали "вышивку", продёргивая сквозь поверхность кожи 2-3 волоска из шерсти оленя. До тех пор, пока у ребёнка не появятся первые зубы, он считается абсолютно незащищённым перед духами – лозами. Для того, чтобы их отпугнуть, в колыбель нужно было положить острый металлический предмет – нож, ножницы, иначе лозы могут похитить ребёнка или подменить его "своим", и тогда его ждёт мучительная жизнь. Недельного младенца укладывали в берестяную колыбель – *копс* (нарым.), *тьосй* (кет.), *питы* (таз), одинаковую для мальчиков и девочек. В ней ребёнок находился до 3-4 месяцев.

Сразу после появления зубов для ребёнка изготавливали "куклу" – индивидуального духа покровителя и хранили её в лукошке с духами других членов семьи. Среди селькупов таёжной зоны были отмечены неподалёку от основных стойбищ священные лабазы – *кор*, в которых хранились культовые куклы данного характера. Если ребёнок заболел, духу делали подношения.

Именем ребёнка нарекали после появления зубов, а до того момента называли "маленький сыночек" – *кыпай ийяя*, "маленькая девочка" – *кыпай нея*. В старину ребёнку давали два имени, одно являлось публичное, а второе тайным. Таким образом, тайное имя помогало шаману отыскать в случае болезни ребёнка его душу в Нижнем мире и вернуть в своё тело. В XIX-XX вв. в течение первого года жизни детей крестили в церкви и давали имена в соответствии с православным именинником. Однако параллельно с христианскими именами у селькупов существовали свои имена-прозвища, образованные по правилам традиционной селькупской антропонимии. Например, женские имена Кэптэ, Нетлушка, Нетага.

Воспитанием мальчика обычно занимался отец, девочки – мать. Знания о жизни леса и основы поведения на природе ребёнок получал от бабушки, которая брала малышек с собой, когда сама отправлялась в лес. Для девочек обычно мать шила куклу, такая кукла выступала не только в виде игрушки, но и тем самым мать обучала свою дочь навыкам шитья. У селькупов такие куклы назывались – *сбумый зумйя*, или просто *зумйя*. Изначально такие куклы изготавливали для малышек их матери, а по мере взросления ребёнок осваивал навыки изготовления такой куклы и делал её сам.

## Энцы Кухня

Наиболее сохранившийся пласт материальной культуры – традиционная пища. К ней можно отнести – согдай из свежей и мороженой рыбы (сиг, чир, осётр, стерлядь). Свежее сырое оленьё мясо едят обычно после забоя или удачной охоты, обмакивая куски в тёплую кровь; зимой стругают ножом мороженое оленьё мясо (строганина). Готовят *шандюсай оса* – отварное мясо в топлёном оленьем жиру. Любят мясо зайцев и куропаток, а также диких уток и гусей, которых добывают в сезон летней охоты. Готовят мучной бульон из мяса и рыбы.

Летом варят тушки гусей и уток, едят свежую и слегка подсоленную рыбу (чира, муксуна, нельму). Впрок готовят юколу, растапливают рыбий жир. Из юколы на рыбьем жиру готовят барика. Любят отварную и запеченную рыбу. Собирают яйца диких уток и гусей.

Растительной пищей служит дикий лук, коренья и ягоды. В качестве напитков раньше заваривали листья брусники и берёзовую чагу, желтые листья берёзы, иван-чай, а сейчас наиболее распространён чай. Из покупной муки, главным образом, ржаной готовят тонкие лепёшки, их едят, обмакивая в рыбий и олений жир.

## Поселения и жилища

### Здравствуйтесь! - Хоу!

Основное жилище энцев – конический чум, имеющий ряд отличий от общесамодийского типа. Чум энцев отличается от ненецкого деталями конструкции и покрытия. Ненецкий тип чума энцы переняли в XX веке.

Энецкий чум сближается с нганасанским, что определяется принадлежностью этих народов к единой культуре охотников на диких оленей. Для энецко-нганасанского чума характерны два основных шеста, расположенных у входа и за очагом, наличие трёх шестов надочажного устройства, 4-8 нюков перекрытия.

Каркас энецкого чума опирается на два основных шеста. Один шест имеет два или три отверстия, куда просовывается заострённый конец другого шеста. Параллельные шесты крепятся к другим двум шестам, установленным внутри чума на некотором расстоянии от входа.

Покрытия энецкого чума (у лесных энцев) – два нюка. Кроме того, особый нюк прикрывает вход. В задней части чума за очагом хранили деревянные антропоморфные изображения предков, которые при перекочёвках возили в особой священной нарте.

Чум ставится зимой на землю в вырытую в снегу яму, а не непосредственно на снег, что расценивается как переживание в чуме традиций углублённого в землю

жилища, подкрепляемых лексической формулой: "спуститься с горы", т. е. сесть ближе к огню. Летом лесные энцы чумы покрывали берестяными нюками. Вход в чум располагается с востока.

В 1930-е года в качестве зимнего жилища энцы стали использовать балок или нартенный чум, воспринятый от долган.

Современные энцы живут в основном в стационарных посёлках.

## Занятия и промыслы

### Здравствуйте! - Хоу!



Общая динамика хозяйства энцев состоит в переходе от промысловой экономики ("культуре охотников на дикого оленя") к домашнему крупнотадному оленеводству у тундровых энцев. У лесных энцев сохраняется таёжное промысловое хозяйство с элементами домашнего оленеводства, в основном транспортной направленности.

Основное традиционное занятие – оленеводство. Распространено в основном вьючное оленеводство, у ненцев заимствовано также упряжное оленеводство. В 1930-х годах энцы были организованы в оленеводческие и промысловые хозяйства, тогда энцы переходят к осёдлости. Оленеводство развито больше у тундровых энцев, у которых до коллективизации было несколько кулацких хозяйств, имевших до тысячи и более оленей. Среди лесных энцев таких крупных оленеводческих хозяйств не было, оленеводство имело преимущественно подсобный транспортный характер.

Энцами у ненцев были заимствованы нарты, но они имеют несколько отличий. Зимняя легковая нарта обычно имеет четыре-пять пар копыльев. Для летней нарты лесотундровой группы энцев характерен "баран" – дуга, прикреплённая к передку и облегчающая передвижение через кустарниковые заросли. Зимняя женская нарта очень высокая с полукруглыми бортами и задником, к которым крепится меховой полог. Он защищает от ветра голову и спину. Энецкие грузовые нарты, в отличие от ненецких, всегда были косокопыльными.

Одно из основных традиционных занятий – охота на северного оленя. Охотились с луками, коллективно на перешейках между озёрами, на речных переправах, загоня оленей в ловушки с сетями. Сейчас применяется маскировочный щит, облепленный с внешней стороны снегом, на полозьях, с отверстием для ружья.

В хозяйстве энцев незначительную роль играл пушной промысел (песцы, лисицы, горностаи) с применением пастей – самодельных ловушек давящего типа. Тундровые энцы охотятся главным образом на дикого оленя, песцов и гусей. Охота на песца имела скорее ситуационный характер и не нашла отражения в календаре северных самодийцев. У лесных энцев охота на этих животных и птиц имеет меньшее значение, больше охотятся на зайцев и полярную куропатку.

На Енисее развито рыболовство с использованием сетей и неводов (сельдь, омуль, нельма, сиг, чир, осётр). Устраиваются заграждения из тальника, на озёрах применяются ставные сетные ловушки-вентеря, перемёты.

Хозяйственный комплекс энцев наиболее выразительно демонстрирует традиционный промысловый календарь, в названиях месяцев которого отражён тот или иной род занятий. В календаре подробно указывается время охоты на дикого оленя. Так, март у лесных энцев – *сойза дязула дири*, то есть месяц "хорошей охоты и дальних поездок". Апрель у тундровых энцев – *Нади ирио* – "первые телята родятся". Май у лесных энцев – *нэзы дири* "рождение оленьих телят". С рыболовством связаны названия летних месяцев: июнь у лесных энцев – *биз дири* – месяц талой воды. Охота на водоплавающую птицу в период линьки в августе у тундровых энцев – *кану ирио* "птенцов месяц", у лесных – *дедю дири* – "лебедя месяц".

Сентябрь – *отудай дирио* – "гон оленей". Октябрь – *могоди ирио* – "месяц, когда пороз-олень роняет рога" или *кора ирио* "оленя-самца месяц" (октябрь – *могуди дирио* "конец оленьего гона"). Ноябрь – *кэдэро ирио* – у тундровых энцев, *кезар кора дири* – у лесных энцев – "гон дикого оленя", период охоты с оленем-маньщиком.